

ДЕРЖАВИН И 1812 ГОД: О СМЫСЛЕ И КОМПОЗИЦИИ “ГИМНА ЛИРОЭПИЧЕСКОГО НА ПРОГНАНИЕ ФРАНЦУЗОВ ИЗ ОТЕЧЕСТВА”

© 2012 г. В. Л. Коровин

В статье анализируется композиция и система образов державинского “Гимна лироэпического”, впервые опубликованного в январе 1813 г. Автор уточняет происхождение и функцию некоторых образов и мотивов этого произведения (зверь из бездны, Агнец, царство Христово, передача лиры молодым певцам и др.). В качестве ближайшего контекста “Гимна” рассматривается собственное творчество Державина, в том числе его записки об организации обороны империи, направлявшиеся им Александру I накануне и во время Отечественной войны 1812 г.

The article analyzes the composition and imagery of G.R. Derzhavin's “A Hymn, Lyric-and-Epic, on Making the French Retreat From <Our> Fatherland”, first published in January 1813. The author of the article is specific about the origins and operation of some images and motifs in the “Hymn” (namely, the beast from the bottomless pit, the Lamb, the kingdom of Christ, the transference of the poetic lyre to young singers, etc.). Derzhavin's body of works serves as the immediate context for “A Hymn”; especially relevant are Derzhavin's plans for establishing Empire defense, which he kept sending to Alexander I before and during the Patriotic War (the French invasion of Russia) of 1812.

Ключевые слова: Александр I, Наполеон, Кутузов, русский народ, Апокалипсис, передача лиры.
Key words: Alexander I, Napoleon, M.I. Kutuzov, the Russian people, the Apocalypse, Translatio genii.

“Гимн лироэпический на прогнание французов из отечества” – самое большое из стихотворений Державина (646 стихов), отклик на величайшую из побед, которые когда-либо ему как “певцу русской славы” приходилось воспевать, и единственное при жизни опубликованное сочинение, в котором он торжественно передает лиру “младым певцам”¹.

Излишне говорить, какое значение придавал этому выступлению сам поэт, но и современники ждали от него произведения, достойного его литературного авторитета. К тому же для создания “Гимна” у поэта не было недостатка не только во внутренних, но и во внешних стимулах. В декабре 1812 г. Державин получил письмо декабря от своего старого знакомого Е.Б. Фукса, на протяжении всей войны занимавшего должность директора военной канцелярии М.И. Кутузова: “Так точно, война нынешняя есть чудо. Она показала, что значит предводитель с доверенно-

стию и опытами, что значит любовь к Государю и Отечеству, что значит народ, восстающий за оскорбленную веру. <...> ...нынешняя война не есть одно дело рук и ума человеческих. Меч праведного Бога-мстителя карал сих нечестивцев: он сверкал и в морозах и в голоде, и несчетная толпища пятнадцати народов истлевали <!> перед нашими глазами. Ему подобает честь, слава и поклонение! Вы изобразили нам сего Бога; вы, конечно, воспоете величие Его в наказаниях и милостях. Сего ожидает от вдохновения вашего спасенное Отечество” [2, т. VI, с. 253]. Поскольку чуть выше в том же письме сообщалось, что Кутузову читали надпись, сочиненную Державиным к его портрету, и что “он принимает всякое произведение пера вашего с чувствительнейшею признательностью”, поэт мог счесть это письмо прямо обращенным к нему пожеланием самого фельдмаршала, чуть ли не заказом. И хотя мнение Фукса об Отечественной войне полностью совпадало с тем, что носилось тогда в воздухе и озвучивалось в приказах по армии и царских манифестах, нельзя не заметить, что все перечисленные им герои войны – Бог, Государь, народ и предводитель с доверяющим ему воинством – фигурируют в полном заглавии державинского “Гимна”, законченного уже через месяц: “Гимн

¹ Первый случай передачи Державиным лиры “младым певцам” имел место в заключительных строфах “Ода на мир 1807 года государыням императрицам”, однако напечатана она была только в 1816 г. и без этих строф [1, с. 107–112]; первоначальную редакцию впервые опубликовал Я.К. Грот [2, т. II, с. 658–665]. Подробнее об этом см. в настоящей статье.

лироэпический на прогнание французов из отечества. Посвящен во славу всемогущего Бога, великого Государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского”. А то, что одержанная победа была чудом Божиим, а не “одно дело рук и ума человеческих”, является сквозной мыслью “Гимна”, выраженной, в частности, в его апокалипсической образности.

В литературных кругах тоже, разумеется, ждали стихов Державина, даже “младые певцы”:

О старец! да услышим твой
Днесь голос лебединый...
[3, с. 240].

Эти строки из “Певца во стане русских воинов” В.А. Жуковского написаны в октябре 1812 г.² Помимо всего прочего, в них простая констатация факта, что на тот момент с начала Отечественной войны читатели еще ни разу не слышали голоса Державина. Только в том же октябре 1812 г. отдельным изданием вышла его “Ода по случаю парения орла над российской армией под предводительством князя Кутузова, при селе Бородине, 1812 года в августе” (позднее печаталась под заглавием “На парение орла”; см. [2, т. III, с. 133–135]).

Воанергес! Орел, сын грома!
Не ты ль на высотах паришь?
И снов святых Патмосска холма
Виденья бытием решишь?
О нет! – судеб проречь не смея,
Что агнец одолеет змея,
В тебе я зрю лишь дух Петров.
Так, – он над росским войском вьется,
Им гром и лавр вождю несется.
Се знак: – мы победим врагов.
<...>
Ты шел, – и пройдешь чрез ехидны, –
Овном сбодется лютый зверь.
Нога наступит Александра
На жруща пламем Саламандра.
Стратиг ты молньи Михаил!
[1, с. 113–114]

Поводом к этому сочинению послужил популярный тогда и использованный также Жуковским в “Певце во стане русских воинов” эпизод с парением орла над головою Кутузова в Царевом-Займище (а не “при селе Бородине”) по прибытии его в армию в качестве главнокомандующего 17 августа 1812 г. Согласно помете в автографе, стихотворение написано 31 августа, то есть после Бородинской битвы и за день до

² О датировке “Певца” и истории его публикации см.: [3, с. 595–598].

оставления Москвы неприятелю. В приведенных стихах важно, что, увидев сначала в орле знак присутствия апостола Иоанна Богослова, автора “Откровения” (“Апокалипсиса”), поэт сразу же отказывается от этого предположения в пользу “духа Петрова”, представляющего здесь победоносный дух российской армии. Однако далее Державин все-таки возвращается к апокалипсической символике (“овном сбодется лютый зверь”), но уже в качестве литературной условности, “не смея” видеть в происходящем буквального исполнения библейского пророчества (иначе непонятно, почему, отказавшись предречь победу “агнца”, поэт тут же предрекает победу “овну”). Подобная двойственность образной системы свойственна и “Гимну лироэпическому”, где в 33-й строфе³ тот же орел снова символизирует непобедимый “дух Петров”: “Бородинским громом” он поражает Наполеона, который с тех пор

Упал в душе своей как дух Сатанаила,
Что древле молнией Михаила
Пал в озеро огня,
И там стена,
<...>
Грызет свои беснуясь сохши кости,
На славу АЛЕКСАНДРА зря,
Всем милого Царя.
[1, с. 131]

Ода “На парение орла” имела некоторый общественный резонанс⁴, но оказалась, по существу, единственным значительным стихотворением Державина об Отечественной войне 1812 г., вышедшим из печати до “Гимна лироэпического”⁵, как бы прологом к нему: в оде поэт предрек победу Кутузову и Александру I, а в гимне прославил ее как совершившееся событие.

“Гимн лироэпический” создавался в конце декабря 1812 г. – начале января 1813 г.: 13 января он уже был прочитан на первом после изгнания французов заседании “Беседы любителей русского

³ Строфы пронумерованы, например, в издании Я.К. Грота.

⁴ М.И. Кутузов дважды благодарил Державина за эту оду в письмах к нему от 7 декабря 1812 г. и 30 марта 1813 г. [4, т. IV, ч. 2, с. 558–559; т. V, с. 504; ср.: 2, т. VI, с. 249, 259–260].

⁵ Осенью 1812 г. были осуществлены еще только две публикации Державина: в августовском № 16 “Вестника Европы” появилась написанная еще в 1810 г. ода “Слава” (вместе с переведенным Державиным с немецкого обращением “К жителям Остзейских губерний”), а в ноябре в № 6 “Сына Отечества” – три маленьких надписи: “На меч великого князя псковского Гавриила”, “К портрету графа Витгенштейна” и “Эпитафия завоевателю” [см.: 2, т. III, с. 47–51, 131–132; т. VII, с. 637–640].

слова»⁶, не позднее 20 января⁷ вышел отдельным изданием [7], чуть позже – в составе 10 книжки «Чтений в “Беседе любителей русского слова”» (цензурное разрешение от 30 января). После этого при жизни Державина “Гимн” переиздавался еще два раза – в 1814 [8, ч. I, с. 1–27] и 1816 г. [1, с. 115–146], в последнем случае – с несколькими мелкими исправлениями⁸.

Как известно, особенных восторгов современников державинский “Гимн” не вызвал. Есть, правда, письмо Кутузова, одного из его героев, который за две недели до своей кончины благодарил поэта и жаловался, что ему передали лишь один экземпляр “Гимна” [4, т. V, с. 504]. Есть сведения о “благодарных отзывах” графа С.Р. Воронцова [2, т. VI, с. 292]. Есть перевод “Гимна” на немецкий язык, сделанный П.О. Гётце и изданный в Риге в 1814 г. [2, IX, с. 513], который П.А. Вяземский в одной заметке 1817 г. назвал “прекрасным” [9, с. 158]. Был также перевод на английский язык, принадлежавший сыну В.П. Петрова Язону Васильевичу [2, т. VI, с. 292–293, 403]. И, наконец, С.Н. Глинка в № 3 “Русского вестника” за 1813 г. поместил краткое резюме “Гимна” с несколькими из него цитатами под заглавием “Вера, верность и терпение суть главные свойства россиян” [2, т. IX, с. 547–548]⁹. Однако несравнимо большую литературную известность получили исходившие из круга арзамасцев насмешки насчет “Гимна” и пародии, почти обязательно включавшие подхваченный у

самого Державина мотив старческого угасания таланта (достаточно напомнить о пушкинской “Тени Фонвизина”, 1815). Об этом, а также о репутации поздней лирики Державина среди современников и о проблеме конкуренции “Гимна лироэпического” с “Певцом во стане русских воинов” неоднократно писали в специальных и обобщающих работах: [10, с. 65–94; 11, с. 89–92; 12, с. 360–362; 13, с. 9–29; и др.]. К списку уже обсуждавшихся сатирических откликов на “Гимн” можно добавить еще не привлекавшую к себе внимания позднюю и довольно остроумную пародию (точнее, “перепев”) В.П. Буренина “Гимн лиро-эпический на получение его сиятельством графом Бисмарком генерал-лейтенантского чина и на победы России” (1871) [14, с. 221–226].

Бесспорно, что на фоне успеха “Певца” Жуковского “Гимн” Державина казался “чудовищным литературным провалом” [15, с. 156]. Обычно это объясняется архаичностью его литературной формы, недостатком, по сравнению с Жуковским, “живого поэтического чувства”, абстрактностью образов и т.п. (см., например: [16, с. 4–6]). И, конечно, не последнюю роль в этом в свое время сыграла литературная борьба “Арзамаса” с “Беседой любителей русского слова” и споры о “старом” и “новом” слоге в целом.

Действительно, “Гимн” и в самой малой степени не соответствовал принципам бурно развивавшейся тогда интимной лирики и давал достаточно материала для обличения архаических пристрастий автора. Однако известная пушкинская пародия в “Тени Фонвизина”, по точному замечанию М.Г. Альтшуллера, почти не касается державинского стиля: юный Пушкин высмеивает «антизападническую позицию “беседчиков”», а главным объектом пародии делает «библейскую тематику “Гимна”, который и назван Пушкиным “статей библейских преложенье»» [10, с. 81]. Иными словами, для него важнее оказалась идейная сторона державинского произведения, его смысл, само наличие которого пушкинская пародия, представляющая собой бессмысленно перемешанные строки из “Гимна”, прежде всего и отрицает.

Между тем, это сочинение глубоко обдуманное и искусно выстроенное, которое меньше всего можно упрекнуть за бедность содержания или чрезмерность лирического беспорядка.

Во-первых его строфическая форма. “Гимн” написан строеными строфами, так называемыми “пиндарическими триадами” (строфа, антистрофа, эпод): два 10-стишия четырехстопного ямба со схемой рифмовки аБаБВВггДд и эпод

⁶ На этом заседании присутствовал М.В. Милонов, написавший в письме к Н.Ф. Грамматину от следующего 14 января 1813 г.: “Вчера была в доме Державина Беседа. Старик написал преогромнейший гимн на победы, где смерть прыгает и завскач догоняет французоз” [5, с. 302]; Милонов здесь перефразировал стихи из 22 строфы “Гимна” [1, с. 125]. А.Е. Измайлов писал 13 января 1813 г. тому же Н.Ф. Грамматину: “Сегодня первый раз открывается Беседа и театр <...>. Державин, сказывают, написал какой-то славный гимн на наши победы. Я не думаю, однако, чтобы этот гимн мог сравниться с последними стихами Жуковского: *Певец во стане русских воинов...*” [6, с. 418]. Заметим, что это известное суждение Измайлов вынес до знакомства с “Гимном”, которого, как узнаем из другого его письма, он и через месяц “еще не читал” [6, с. 420].

⁷ 20 января 1813 г. Державин уже выслал экземпляр “Гимна” В.В. Капнисту [2, т. VI, с. 255].

⁸ Четыре из них указаны Я.К. Гротом [2, т. III, с. 142, 146, 147, 149], еще одно есть в последней строфе “Гимна”: стих “Ни предъидущих благ виденья” исправлен на “Предшествующих благ виденья”. В последнем издании также чуть видоизменено заглавие (первоначальный вариант см.: [7]). Далее “Гимн” везде цитируется по последнему прижизненному изданию.

⁹ Я.К. Грот, на наш взгляд, ошибочно приписал этот текст самому поэту, будучи введен в заблуждение подзаголовком “Сочинение Державина” и почему-то не опознав цитат из “Гимна”.

из 18 стихов с последовательностью стопностей 444343+6433+4455+4543. “Гимн” составлен из 17 таких “триад”, или “суперстроф”¹⁰. Державин и раньше использовал пиндарическую строфику (впервые – в “Осени во время осады Очакова”) и перевел две оды самого Пиндара, но других стихотворений такого объема, написанных “триадами”, ни у него, ни вообще в русской поэзии больше нет. Поэтому М.Л. Гаспаров назвал державинский “Гимн” “исполинским”, а кроме того, заметил, что «это было последнее слово строгого триадического “пиндаризма” – более русские поэты к нему почти не возвращались» [17, с. 106].

Во-вторых, его жанровая специфика. Это единственное законченное сочинение Державина, которое он сам – хотя лишь наполовину – отнес к эпическому роду: “Гимн лиро-эпический”. Автор, уже давно занятый сочинением литературно-теоретического трактата и ведущий по этому поводу ученую переписку с разными лицами, конечно, не мог дать такое заглавие невзначай. Вот что, например, читаем на этот счет в первой части его “Рассуждения о лирической поэзии, или Оде” (1811): “...ода или гимн изображают только чувства сердца в рассуждении какого-либо предмета, а не действия его. Где же останавливаются на действии, тут уже сближаются к эпосе” [18, с. 199]. В “Гимне лироэпическом” Державин излагает причины и ход Отечественной войны, то есть “останавливается на действии”, но при этом “изображает чувства” по поводу отдельных эпизодов и извлекает моральные уроки из этого события в целом, поэтому и дает своему произведению такое заглавие. В лироэпическом сочинении, конечно, должно быть меньше лирического беспорядка, чем в обыкновенной оде¹¹.

О гимнах же в “Рассуждении о лирической поэзии” Державин пишет следующее: “Гимнами евреи в разных случаях воспевали истинного

Бога и чудеса Его, а язычники — поклоняемых ими богов и человеков, прославившихся знаменитыми подвигами. <...> Гимны содержали в себе часть религии и нравоучения. Они певались при богослужении, ими объясняемы были оракулы, возвещаемы законоположения, преподаваемы, до изобретения письмен, славные дела потомству и проч. <...> Пели гимны <...> не от одного или нескольких молебщиков, но от лица всего народа. Чрез гимны возносились благодарения, славословия, моления и жалобы божествам” [18, с. 197–198]. Создавая “Гимн лироэпический”, Державин как раз говорил как бы “от лица всего народа”. Прямо от своего лица он говорит только в начальных и заключительных строфах, а также в 39-й строфе, где с очаровательным простодушием выражает свое восхищение именно народом – “россами”:

О как мне мил их взор, их слух!
Пленен мой ими дух!

[1, 134]

Среди не часто отмечающихся заслуг Державина как автора “Гимна лироэпического” более всего справедливо отмечают то, что он превзошел всех одновременно с ним писавших об Отечественной войне стихотворцев именно в подчеркивании роли в ней русского народа (см., например: [19, с. 19]. 37-я строфа “Гимна” с описанием превосходных качеств “росса”, несмотря на малую популярность сочинения в целом, получила хрестоматийную известность. В частности, она была вынесена в качестве эпиграфа на оборот титульного листа первой части “Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году” (см.: [8, ч. I]).

О Росс! о добльственный народ!
Единственный, великодушный,
Великий, сильный, славой звучный,
Изящностью своих доброт!
По мышцам ты – неутомимый,
По духу ты – непобедимый,
По сердцу – прост, по чувству – добр,
Ты в щастьи – тих, в нещастьи – бодр;
Царю – радушен, благороден,
В терпении – лишь себе подобен.

[1, с. 132–133]

Можно предположить, что выбрать форму гимна Державина как раз и побудило желание подчеркнуть народный характер войны, о котором говорили военачальники (прежде всего Кутузов), правительство – в манифестах, писанных А.С. Шишковым, некоторые журналы и др. (см.: [20]), но практически еще безмолвствовали поэты, если не считать опытов стихотворений в

¹⁰ О том, с какой тщательностью Державин работал над текстом, говорит то, что на протяжении всех 646-ти стихов “Гимна” он лишь в одном из них нарушил метр, причем не в “фигурном” эпосе, а в метрически простой антистрофе: “Доколь Москва, Непрядва и Полтава” (строфа 41) [1, с. 135].

¹¹ До державинского “Гимна” само слово “лироэпический” в качестве жанрового обозначения собственного произведения использовал, кажется, только С.С. Бобров: “Таврида, или Мой Летний день в Таврическом Херсонисе. Лирико-эпическое песнотворение” (Николаев, 1798). Сходным образом жанр своих поэм определял С.А. Ширинский-Шихматов: “Пожарской, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия. Лирическая поэма в трех песнях” (СПб., 1807) и “Петр Великий. Лирическое песнопение в восьми песнях” (СПб., 1810).

“народном духе”. Эта тема в “Гимне” имеет принципиальное значение, что подчеркивается последовательностью посвящений в заглавии, где “верный народ” следует сразу за Богом и государем и перед вождем и воинством. В образной структуре “Гимна” Россу противостоит Галл. Его качества и судьба описываются в 5-й строфе, которая по синтаксическому строению как бы “рифмуется” с приведенной выше:

Иль Галл, творец то злых чудес,
 Похитивший у ветра – крылы,
 У доблести, у веры – силы,
 Скиптр – у царей, гром – у небес,
 У правосудия – законы;
 Убив народов миллионы,
 Изгнав к отечеству любовь,
 Растил всех дух, оподлил кровь,
 Став хищна раб Наполеона, –
 Возмнил быть царь вселенной трона?
 [1, с.117]

Отсутствием глаголов в строфе о Россе подчеркивается его непоколебимость и верность. Нагнетание глагольных форм в строфе о Галле связано с его агрессивностью и изменчивостью. Существенно, что наиболее уничижительный отзыв Державина о французах находится не в поэтическом тексте, а в написанном по материалам “Сына Отечества” 36-м авторском примечании¹². В стихах же французы прежде всего – орудие Наполеона, хотя Париж в “Гимне” это “новый Вавилон” и “град мятежничьих жилищ” (строфа 30), а под Содомом и Гоморрой, которые “вспепелятся” и погибнут вместе со своим нечестивым владыкой (строфа 26) следует, видимо, понимать Францию. Впрочем, в начале публично выражаемых антифранцузских страстей Державин уступал, например, А.С. Шишкову и Ф.В. Ростопчину (см. о них: [21, с. 247–253]). Так, в “Записке о мерах к обороне России во время нашествия французов”, которую Державин вручил герцогу Ольденбургскому 14 июля 1812 г. для передачи царю, он, в частности, предлагал “издать к сведению всей Европы убедительный манифест, в котором сказать, что мы не токмо с разноцарственными нациями, но ниже с самими французами не воюем, а лично только с Бонапартом, яко притеснителем всех народных прав и всех государств” [2, т. VII, с. 476–477]. В “Гимне” же Державин озабочен прежде всего ограждением русской самобытности и, что было общим местом в то время, устанавливает связь между отечественной

галломанией и последовавшим вооруженным вторжением:

О новый Вавилон – Париж!
 <...>
 Хоть прелестей твоих уставы
 Давно уж чли венцем мы славы;
 Но не довольствуясь слепить умом,
 Ты мнил попать нас и мечом...
 [1, с. 129]

Впрочем, этот мотив острее звучит у авторов, призывавших соотечественников к покаянию, – у В.В. Капниста, например, в “Видении плачущего над Москвою россиянина 1812 года октября 28 дня” [22, с. 237–245]¹³ или у князя С.А. Ширинского-Шихматова в “Песни россиянина на новый 1813 год”, где царь обращается Богу с такими словами:

Ты зрел – Твои нельстивы чада
 Склонялись сердцем ко лъстецам
 И сладким их прельщались ядом,
 Ты зрел – расторг плетенный адом
 Союз противный небесам.
 <...>
 Ты ныне истину сию
 За грех наш оправдал войною,
 Но спас меня – и спас со мною
 Россию верную мою.
 [23, с. 13–14]

В державинском “Гимне” покаянные мотивы отсутствуют в силу его жанровой специфики и иных задач, которые ставил перед собой поэт: он прославлял Бога, царя, народ, вождя и воинство, и здесь не было места критике, как не может ее быть по отношению к адресату классической похвальной оды (по крайней мере, в открытом виде). Но “Гимн лироэпический” – сложное жанровое образование. Державин не ввел в него элементов сатиры, как это сделал когда-то в “Фелице”, но он сделал другое. Положив в основу “Гимна” торжественную оду (правда, близкую не столько к М.В. Ломоносову, сколько к В.П. Петрову по изобилию политических тонкостей, объему и стройности композиции), он, помимо черт эпического произведения, придал ей черты оды духовной, философской и нравоучительной.

От духовной оды в “Гимне” зачин “Благословен Господь наш Бог” (в прямом смысле слова богослужебный – почти так, лишь с перестановкой двух последних слов, начинаются православные молебны и панихиды) и далее через весь текст

¹² “Разврат, соблазн, нечестие и самое безбожие Французского народа, не упоминая о бывших в последнюю революцию, виды в Истории самых давних веков Христианства” [1, с. 144].

¹³ Отзыв Державина об этом произведении, которое А.Н. Оленин находил не столько “плачем”, сколько “сатирой”, см. в его письме к Капнисту от 29 апреля 1813 г. [2, т. VI, с. 257–268].

следующие похвалы Творцу, не говоря уже о библейских цитатах и фразеологии. От философской оды – заявленная во второй строфе “Гимна” религиозно-философская проблема: как можно оправдать гибель Москвы?

“Пой! – (мир гласит мне горний, дольний) –
И оправдай пути Господни”.

[1, с. 116]

Собственно, это проблема теодицеи, но это также историсофская и политическая проблема, имеющая прямое отношение к двум героям гимна – Александру I и Кутузову. И, конечно, здесь Державин эти проблемы не разграничивает. А от нравоучительной оды в “Гимне” – моральная антитеза “коварства” и “христианской кротости”, которые, как узнаем из авторских примечаний, он, оказывается, и подразумевал “под видом” змия и Агнца (примечания 4 и 5) [1, с. 141], а вовсе не напрямую Наполеона и Александра I. Впервые заявленная в символической 3-й строфе (“Открылась тайн священных дверь! / Исшел из бездн огромный зверь...” и т.д. [1, с.116]), сразу придающей тексту мистическое измерение, эта антитеза проходит через весь “Гимн”, представляя то как антитеза гордыни и смирения, то как безбожия и благочестия, а в строфах 43–46 становится отправной точкой для открытого морализирования. Впрочем, в случае с Державиным, которого можно было через запятую назвать “наш Пиндар, наш Гораций” (“К.Н. Батюшков, “Мои Пенаты”, 1811–1812), это не удивительно. Н.Ф. Остолопов, например, в своем “Словаре древней и новой поэзии” делил “наши оды” на Ломоносовские и Державинские, уточняя, что в последних “...прославление знаменитых происшествий или рассуждение о каких-либо других предметах исполнено бывает мыслей нравоучительных, философических – иногда острых и даже сатирических” [24, ч. II, с. 236]¹⁴. В своей философичности и нравоучительности “Гимн лироэпический” вовсе не является исключением в творчестве Державина. Однако, *к кому именно* могли быть обращены уроки, извлекаемые из судьбы Наполеона? Едва ли в первую очередь к рядовому читателю. И для кого мог быть на тот момент актуален первый из этих уроков – “царств не льститься на хищение”? Ответ, на наш взгляд, очевиден: это государь Александр I. Чтобы убедиться в этом, нужно поближе рассмотреть композицию “Гимна” и перекликающиеся с ним другие тексты самого Державина.

¹⁴ Попутно заметим, что “Гимн лироэпический” в “Словаре” Остолопова, бывшего почитателем Державина, не упомянут ни разу. При статье “Гимн” он в качестве образцового гимна поместил оду Державина “Бог” [24, ч. I, с. 101].

Поскольку “Гимн” – сочинение громоздкое и не простое, для удобства дальнейшего изложения предлагаем наш опыт описания его композиции по строфам (арабскими цифрами обозначены строфы, римскими – “суперстрофы”):

I (1–3). Вступление: призывание музыки (1), скорбь о разорении Москвы и призывание “оправдать пути Господни” (2); пророчество о звере из бездны (3). **II (4–6). Применение пророчества** – к порождениям Коварства (4), ищущим всемирного господства галлам (5) и Наполеону (6). **III (7–9). Вторжение Наполеона в Россию и реакция Александра I:** переход врага через Неман (7), его замыслы (8); Царь созывает ополчение, народ жертвует имуществом и молится (9). **IV (10–12). Суд Божий о галлах и россах** – решение их участи (10); новый Фараон среди расступившихся волн (11), его гибель (12). **V (13–15). Безумие гордыни, несущей в себе свое наказание:** судьбу вавилонских царей (Навуходоносора, Валтасара) (13) повторяет Наполеон – уподобившись животному в поругании святынь и женской чести (14), окруженный пожаром Москвы как огненными надписями (15). **VI (16–18). Гром военной трубы:** сражения под Бородино, Малоярославцем, Красным (16), их кровопролитность (17); жгущий Эвр не смог повредить Синайскому кедру. **VII (19–21). Бегство Наполеона (ужас):** взорвав Кремль, он бежит, погоняемый Ангелом (19), его преследуют тени потревоженных им в гробницах русских святых и праотцов (20) и тени его бесчисленных жертв с кровавой чашей (21). **VIII (22–24). Бегство Наполеона (позор):** брошены не погребенные мертвецы и оружие (22), брошены награбленные сокровища (23); сравнение с убегающим волком и уползающим аспидом (24). **IX (25–27). Бегство Наполеона (гибель) и исполнение пророчества о звере:** людоедство в погибающей от голода и морозов армии (25); истек данный Наполеону срок – 42 года “на возвышенье” и 42 месяца “на оскверненье” (26); ничтожество врагов Христовых: “таинственных числ зверь” побежден молитвой Александра I, силою князя Михаила и бесстрашием россов (27). **X (28–30). Упрек народам Европы:** как новые орды Тамерлана они вторглись с Наполеоном в Россию (28); неблагодарность германцев (29); обличение нового Вавилона – Парижа, пытавшегося когда-то своим блеском обольстить россов (30). **XI (31–33). Непобедимость русского народа и ее причины** – в единстве, мужестве и готовности к самопожертвованию (31); похвальбы Наполеона (32); дух Петров восстал на духа

Сатанаила, и князь Михаил низверг его в озеро огня (33). **XII (34–36). Благодарение Богу:** Его помощь России очевидна, что бы ни говорили завистники (34); Бог прославил русского Царя и поставил Россию выше всех земных царств (35); хвалебный гимн Богу (36). **XIII (37–39). Похвала русскому народу и обращение к Испании и Англии:** нравственные качества росса (37), его заслуженная награда (мир, слава) (38), общеевропейское значение его победы, без которой Испания и Англия неизбежно были бы покорены врагом (39). **XIV (40–42). Похвала Кутузову и другим русским военачальникам:** Суворов, Потемкин и Румянцев признают превосходство над ними Кутузова как защитника отечества, а не завоевателя (40); он равен лишь Дмитрию Донскому, Пожарскому и Петру I, отразившим иноземные вторжения (41); качества Кутузова, Витгенштейна и Платова; дань памяти Багратиону и всем погибшим (42). **XV (43–45). Моральный урок поражения Наполеона:** лучше быть оплакиваемым в гробу, как Багратион, чем живым и всеми проклинаемым, подобно Наполеону (43); его участь – урок всем, стремящимся к завоеваниям (44); он погибнет, потому что правил несогласно с волей и заповедями Бога, который когда-то дал ему власть над Францией (45). **XVI (46–48). Обращение к Александру I и видение будущего:** царствуй в своем царстве и обороняй отечество (46), скоро умолкнут брани и тебе поклонятся цари (47); видение возрожденной Москвы. **XVII (49–51). Видение будущего и заключение:** град Петров сравнится с Новым Иерусалимом, и Царь вернется в свою столицу (48); из всей России “печаль и скорби изженутся” (50); жалоба на старость и передача лиры “младым певцам”.

Целый ряд образов и строф “Гимна” находит соответствие в более ранних стихах Державина. Так, например, со зверем, выходящим из бездны, мы впервые встречаемся в его оде “Фонарь” (1804)¹⁵: “Но тут ужасный зверь всплывает / К нему из бездн...” (2, т. II, с. 467). Однако, судя по тому, что Наполеону здесь посвящена особая строфа, имеется в виду просто кит, который “занес уж зубы” на “рыбьего князя” – осетра, хотя, конечно, не исключено и аллегорическое толкование. “Преисподний зверь, / Стальночешуйчатый, крылатый, / Серпокогтистый, двурогатый”, появляется в кантате “Персей и Андромеда” (1807), где в самом тексте раскрывается аллегория:

Персей – это Росс, Андромеда – Европа, Зевс – Александр I, а зверь – Наполеон (во втором издании после Тильзитского мира переименованный в Губителя) [2, т. II, с. 613, 616].

Образ Фараона, погибающего в Черном море, Державин отнес персонально к Наполеону уже в оде “Монумент милосердию” (1805), и здесь же впервые появляются тени с наполненной кровью чашей, преследующие за гробом завоевателя:

Почто вселенной победитель,
Народов многих покоритель,
От чаш, наполненных кровей,
Ему тенью подносимых,
С стенанием вокруг ходимых,
Отворотился, слыша: “Пей!”
<...>
Но если злоба ополчится,
Нарушит сладкий наш покой,
Восстав, Россия окружится,
Как тучей, чад своих стеной.
Бог милости пред ней предыдет,
Он выше облак воды вздымет
И с шумом их со всех сторон
Гром бросит на чело возницы,
На всадника, на колесницы:
И где грозивший Фараон?

[2, т. II, с. 523–526]

В приведенных стихах есть и еще одна (уже третья) перекличка с “Гимном” – с 46-й строфой, где начинаются похвалы Александру I:

Не бе. – Но ты, *Монарх!* блистай
Твоей небесной красотою;
То кротостью, то правотою
Владей, пленяй и успевай
Лук наляцать *Твой* крепкий, сильный,
Чрез все *Твои* страны обширны
Ко ужасу *Твоих* врагов,
И грозный строй *Твоих* полков,
Как туча молньями чревата,
Кругом возляжет Царства свята.

[1, с. 137]

Примеры можно легко умножить, но стоит остановиться на только что процитированных стихах. В них довольно прозрачно высказана царю рекомендация ограничиться обороной отечества и не двигать свои войска за его пределы, что в начале заграничного похода русской армии звучало довольно остро. Державин еще в 1807 г. пытался представить Александру I записку “Мечты о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи”, а в 1810 г., намереваясь повторить попытку, написал к ней предисловие. В нем он пытается доказать, что России, особенно в нынешних условиях, не нужны и опасны новые территориальные приобретения (напомним,

¹⁵ О “Фонаре” см. большой раздел в содержательной книге Т. Смоляровой [25, с. 123–158].

что тогда, с согласия Наполеона, к России только что была присоединена Финляндия и уже разворачивалась новая русско-турецкая война), что в устройстве вооруженных сил ей следует ограничиться только обороной: все уже сделано предшественниками Александра I на троне. "...остается ему только утвердить сие обширное здание непоколебимыми столпами <...> предупредить ненасытных кровопийц, каковы суть Бонапарты, честолюбивые и дальновидные замыслы повелевать Европою или всем светом. Словом, обнять мир, тишину и стяжать себе такую бессмертную честь и славу, каковой ни единый из величайших монархов не имел: то есть быть посредником и миротворцем терзающей себя кровопролитным междоусобием Европы, быть, по словам священного писания, сыном Божиим. И сие-то великое имя, и сия-то божественная слава принадлежать может по многим удобствам и причинам единственно Российскому Монарху, Александру Первому" [2, т. VII, с. 442].

На идеях и образах этого интереснейшего во многих отношениях текста построена одновременно написанная ода "Слава", ставшая первым выступлением Державина в печати во время Отечественной войны (см. прим. 5), они отразились и в "Гимне лироэпическом", и позднейших его стихотворениях. Так, в оде "На сретение победителя Европы Александра I" (1814) есть строки:

Он Гений, с небеси ниссланный,
Марией кроткою рожден,
Чтоб век был миротворец славный
И сыном Божиим наречен!

[2, т. III, с. 220]

Казалось бы, и эти строки, и вся эта ода прекрасно вписывается в ряд стихотворений того времени, представляющих Александра I "в мессианистическом ореоле" [26, с. 99–101], однако почти с теми же словами Державин обращался к нему в деловой прозе в 1810 г., подразумевая, очевидно образом, одно из евангельских блаженств: "Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими" (Мф 5: 9). В 1814 г. он просто включился с характерным для него лукавством в литературную игру, и мистической экзальтации в этой оде не больше, чем в восклицаниях мурзы в "Фелице" ("Прошу великого пророка, / Да праха ног твоих коснусь..." и т.д.).

Это следует учитывать и в случае с "Гимном лироэпическим". Так, в строфах 46–50 похвалы Александру I постепенно принимают вид подозрительно безудержного панегирика, а видение будущего России под его скипетром начинают отчетливо напоминать о ереси миллениаризма:

и "царство снидет к нам Христово", и Петербург уподобится Новому Иерусалиму,

И из страны Российской всей
Печаль и скорби изженутся,
В ней токи крови не прольются,
Не канут слезы из очей;
От солнца пахарь не сожжется,
От мраза бедный не согнется,
Сады и нивы плод дадут,
Моря чрез горы длань прострут,
Ключи с ключами сожурчатся;
По рощам песни отгласятся.

[1, с. 139]

И вот, именно на этой патетической ноте Державин вдруг останавливается, признается в своем бессилии и передает лиру "младым певцам":

Но солнце! мой вечерний луч!
Уже за холмы синих туч
Спускаешься ты в темны бездны,
Твой тускнет блеск любезный
Среди лиловых мгlistых зарь –
И мой уж гаснет жар;
Холодна старость – дух, у лиры – глас отъемлет,
Екатерины муза дремлет:

То юного Царя
Днесь в след орлов паря,
Предшествующих благ виденья,
Что мною в день его рожденья
Предречено, – достойно петь
Я не могу; – младым певцам греметь
Мои вверяю ветхи струны,
Да черплют с них в свои сердца перуны
Толь чистых, ревностных огней,
Как пел я трех Царей.

[1, с. 140]

Эта выразительная строфа звучит с искренностью, в которой трудно усомниться. Однако Державин уже в 1807 г. передавал лиру "младым певцам", и сделано это было в оде по случаю глубоко его огорчившего Тильзитского мира – "На мир 1807 года государыням императрицам". Она не была тогда опубликована, поскольку, по словам самого Державина, "государю не было угодно, чтобы она сделалась известною", и вышла в свет только в 1816 г., в пятой части его "Сочинений", в одном блоке со стихотворениями на войну 1812 г.: "На мир 1807 года государыням императрицам" – "На парение орла" – "Гимн лироэпический" – "Тление и нетление"¹⁶. Здесь она помещена в иной редакции, без заключительных строф с передачей лиры (это, помимо прочего, не

¹⁶ Стихотворение на смерть Кутузова. Другое стихотворение на тот же случай Державин не включил в названное издание: "На смерть фельдмаршала князя Смоленского, Апреля в 16 день 1813 года".

имело смысла в соседстве с “Гимном лироэпическим”). А в первоначальной редакции они выглядели следующим образом:

Итак днесь бранною трубою
Супруга, сына не пою;
Прельщен его душой святою
И старость чувствуя мою,
Бессилен в путь лететь орлиный,
С Пиндаром плесть венцы побед,
Как на чело Екатерины
И Павла я сплетал из звезд.

Побед его предоставляя
Младым певцам греметь я честь,
Любезного царя лобзая,
Хочу в нем кротость превознести,
По легком вслед ходя Катутле,
Чтоб век его в добротях цвел:
Небесных дев в священном туле
Приятных много сердцу стрел.

[2, т. II, с. 664–665]

Собственно, это облеченное в благопристойную форму выражение несогласия с новой политикой царя, попросту отказ воспевать мир с тем, о ком выше в той же оде (эти строки есть в обеих редакциях), сказано: “Враг примиренный, снесший рану, / Не может быть надежный друг” [2, т. II, с. 663]. Позднее, в 1815 г., отправляя эту оду А.Ф. Мерзлякову, Державин не удержался, чтобы не отметить свою дальновидность: он пояснял адресату, что, когда писал эту оду, “хотя показывался торжествующим, но, будучи глубоко ранен, изливал свою радость с некоторым унынием. Но оно теперь меня утешает, когда всяк видит, что сбылись мои предвидения” [2, с. II, с. 659]. “Предвидения” его заключались не только в строках о “враге”, но и в предшествующем им призыве к императрицам возбуждать в царе “геройский дух”. На этом фоне признание в неумении достойно воспеть “кротость” царя (которую Державин и до, и после этого воспевал неоднократно) выглядит, пожалуй, вполне однозначно. Только, возможно, это не столько ирония, сколько выражение глубокого огорчения поэта.

Конечно, в дни создания “Гимна лироэпического” ситуация была совершенно иной, и у Державина уже не было, как после Тильзитского мира, причин быть недовольным политикой Александра I. Но у певца Фелицы не было и склонности к входящей в моду мистической экзальтации. Передача лиры на самой высокой ноте похвал придавала предшествующим строкам характер литературной условности, которая связывала “Гимн лироэпический” с “Фелицей”, конец творческого пути Державина – с его началом, что при передаче лиры было немаловажно для дремлющей музы

Екатерины. И, наконец, у Державина могли быть причины для недовольства “младыми певцами” (а в первую очередь, он, конечно, думал о Жуковском¹⁷), и предоставляя им петь “предшествующих благ виденья”, “старик Державин”, будучи “хитрее лиса”, думается, вложил в это некоторую долю иронии, которую “младые певцы” не почувствовали.

* * *

Среди современных ему русских поэтов Державин был едва ли не единственным (или, во всяком случае, самым заметным), кто до Отечественной войны упорно предрекал падение Наполеона. Об этом идет речь в целом ряде его стихотворений: “Фонарь” (1804), “Монумент милосердию” (1805), “Персей и Андромеда” (1807), “Похвала Комару” (1807), “Слава” (1810) и др. В “Гимне лироэпическом” Наполеон является под разными именами: это Авадон, “огромный зверь, дракон или демон змиевидный”, “змей-исполин”, “князь тьмы и крокодильных стад”¹⁸, Фараон, “дивий Гог”, “второй Навходонасор”, “жгущий Эвр”, “злой гений”, “в плоти седьмглавый Люцифер”, Вельфегор, Тамерлан, и Он как “дух Сатанаила”, как “тигр, на трупы жадный”, как волк¹⁹, как аспид. Все эти образы (кроме, может быть, Вельфегора²⁰) встречаются в русской поэзии и публицистике периода наполеоновских войн (см.: [28]). В других стихах Державина есть и только у него встречающиеся прозвища: “уранг” (орангутанг) и сфинкс (“Атаману и войску Донскому”, 1807) и Саламандра²¹. В “Гимне лироэпическом” с его почти исключительно библейской символикой²² Саламандра,

¹⁷ Известное четверостишие “Тебе в наследие, Жуковский...” Я.К. Грот предположительно датировал 1812 г.; оно записано на бумаге 1808 г.

¹⁸ О “крокодильных стадах” у Державина см. в книге [27, с. 191–196].

¹⁹ Развернутое сравнение в 24 строфе Наполеона с волком, “прогнанным от стад”, содержит очевидную аллюзию на басню И.А. Крылова “Волк на псарне”.

²⁰ Этого библейского демона (Ваал-Фегора), некогда соблазнившего израильтян, Державин позаимствовал из первой песни “Потерянного рая” Дж. Мильтона, причем, скорее всего, из прозаического перевода В.П. Петрова. В “Гимне лироэпическом” подчеркнута, что Александр I – это “Царь, непричастный Вельфегору”, то есть не поклонившийся идола – Наполеону.

²¹ “Персей и Андромеда”, “На выступление корпуса гвардии в поход” (оба 1807), “На парение орла” (1812). Имеется в виду Саламандра – олицетворение огненной стихии. Насчет использования мужского рода в этом имени см. след. прим.

²² В “Гимне” есть только один случай использования античной мифологии, не совсем понятный: в 6-й строфе упомянут “Атроп”. Согласно авторскому примечанию, имеется в виду Атропа, “парка или смерть”. В.П. Буренин в своей па-

конечно, нет, но образ Наполеона и здесь тесно связан с огненной стихией: первая половина стихотворения окрашена в багровый (багряный, кровавый) цвет, и чуть ли не в каждой строфе бушует огонь. Любопытно, что написанную *до пожара Москвы* “Записку о мерах к обороне России во время нашествия французов” Державин тоже завершил “огненной” метафорой: “...вражеский пожар бежит быстро, и к остановлению его нет другого средства, как с такой же скорорешительностью быстро вознести противный пламень, иначе все погибнет” [2, т. VII, с. 478].

Падение Наполеона, по Державину, пример наказания безбожия и гордыни и урок царям. В оде “На отбытие великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича из Петербурга к армии, 5 февраля 1814 года” это сказано прямым текстом:

Воспользуйтесь уроком редким,
Нужнейшим для владык земных.
<...>
Путь Демона и Генья видя,
Познайте, Богу как служить.

[2, т. III, с. 191]

Отечественная война 1812 г. в “Гимне лиро-эпическом” – событие, надолго решившее участь человечества:

По правде, вечности лучей
Достойны войны наших дней.

[1, с. 135]

Апокалипсическая символика в “Гимне” подчеркивает не только всемирное значение, но и чудесный характер победы России над Наполеоном, одержанной с помощью Божией. Этот взгляд соответствовал официальной позиции (достаточно напомнить об отчеканенной по указанию Александра I медали с надписью “Не нам, не нам, но имени Твоему” и Манифест 25 декабря 1812 г. о создании Храма Христа Спасителя). Решающий момент в “Гимне” – молитва царя и народа, после которой Бог предопределяет исход войны (в строфах 10–12):

И бысть. – Молебных капля слез,
Упадши в чашу правосудья,
Всей стратегистики орудья
Как прах взметнула до небес.

[1, с. 120]

Народный характер войны, подчеркнутый Державиным, также соответствовал публично выра-

родии использовал это, и тоже дал примечание: “Атропа – парка или смерть. Хотя представляется в женском образе, но поэт предпочел ее представить мужчиной, руководствуясь примером Гав. Ром. <Державина>...” [14, с. 226].

жаемой позиции Александра I и Кутузова. Однако в поэзии того времени только Державину удалось сказать это “во весь голос”. Главная мысль его “Гимна” очевидна: Бог, Александр I, русский народ, Кутузов и российская армия – именно и только они! – спасли вселенную от очередного кандидата в Антихристы или, по крайней мере, от претендента на мировое господство. Никто из современных Державину русских поэтов так открыто и ясно об этом не заявлял.

Эта мысль более простодушно выражена в написанном им, скорее всего, одновременно с “Гимном” стихотворении “Горе-богатырь”, заканчивающимся такими словами:

Вся, – уж думала Россия, –
Покоренна стала тварь,
Но вступилися святые,
Русский Бог и белый царь.

[2, т. III, с. 534]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Державин Г.Р.* Сочинения. Ч. V. СПб., 1816.
2. *Державин Г.Р.* Сочинения / С объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864–1883. Т. I–IX.
3. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем. В 20 т. Т. 1. М., 1999.
4. М.И. Кутузов. Сборник документов. М., 1950–1956. Т. I–V.
5. *Милонов М.В.* Письма к А.Ф. и Н.Ф. Грамматиным // Библиографические записки. 1859. Т. 2. № 10. С. 290–303.
6. *Измайлов А.Е.* Письма к Н.Ф. Грамматину // Библиографические записки. 1859. Т. 2. № 14.
7. Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества 1812 года. Во славу всемогущего Бога, великого Государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского. Посвящает Державин. СПб.: В Мед. тип., 1813. 34, V с.
8. Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 1814. Ч. I–II.
9. *Вяземский П.А.* Смесь // Сын Отечества. 1817. Ч. XXXVI. № 10.
10. *Альшиуллер М.Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. Изд. 2-е, доп. М., 2007.
11. *Проскурин О.А.* “Победитель всех Гекторов халдейских”: К.Н. Батюшков в литературной борьбе начала XIX в. // Вопросы литературы. 1987. № 6.
12. *Проскурин О.А.* Имя в “Арзамасе” (Материалы к истории пародической антропонимии) // Лотмановский сборник. [Вып.] I. М., 1995.

13. *Фрайман Т.* Державин и Жуковский: К вопросу о творческом наследовании // Пушкинские чтения в Тарту 3: Материалы международной научной конференции, посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева. Тарту, 2004.
14. *Выборгский пустынный <Буренин В.П.>* Гимн лиро-эпический на получение его сиятельством графом Бисмарком генерал-лейтенантского чина и на победы России. (Посвящ. тени Гавр. Романовича Державина) // Отечественные записки. 1871. Т. CXLV. Отд. 2.
15. *Вацуро В.Э.* Лирика пушкинской поры: “Элегическая школа”. СПб., 1994.
16. *Янушкевич А.С.* Жанровый состав лирики Отечественной войны 1812 г. и “Певец во стане русских воинов” В.А. Жуковского // Проблемы метода и жанра. Томск, 1983. Вып. 9.
17. *Гаспаров М.Л.* Очерки истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. Изд. 2-е, доп. М., 2000.
18. *Державин Г.Р.* Рассуждение о лирической поэзии, или об оде // *Державин Г.Р.* Стихотворения / Вступ. статья и примеч. В.А. Западава. Л., 1981.
19. *Фризман Л.Г.* 1812 год в русской поэзии. М., 1987.
20. *Тартаковский А.Г.* Военная публицистика 1812 года. М., 1967.
21. *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.
22. *Капнист В.В.* Избранные произведения. Л., 1973. (Б-ка поэта).
23. *Ширинский-Шихматов С.А.* Песнь россиянина на новый 1813 год // Чтения в Беседе любителей русского слова. СПб., 1813. Чт. 11.
24. *Остолопов Н.Ф.* Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. Ч. I–III.
25. *Смолярова Т.* Зримая лирика: Державин. М., 2011.
26. *Гаспаров Б.М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб., 1999.
27. *Богданов К.А.* О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М., 2006.
28. *Казаков Н.И.* Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 3, 4.